

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-116-128>
УДК 94(470)"1914/1918"

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ ГОТОВНОСТИ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В МЕМУАРАХ ЕЁ УЧАСТНИКОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А.В. Левченко

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
Комсомольский пр-т, 29, 614990, Пермь, Россия*

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу степени готовности русской императорской армии к участию в 1-ой мировой войне, выявлению причин, которые обусловили отставание России от других великих держав в подготовке к мировой войне, **Материалы и методы.** О боеспособности русской императорской армии можно судить на основании ряда источников, среди которых следует выделить мемуары участников войны. Необходимо признать, что не всегда мемуарист способен точно передать свои ощущения от пережитых им событий, со временем может появиться новое отношение к тому, что он видел и в чем участвовал. Описание событий становится их позднейшей интерпретацией. Вместе с тем, сообщаемые автором мемуаров факты, дополняют сведения из других источников, позволяют раскрыть то, что не отражается никакими официальными документами. Это делает воспоминания участников ценными источниками для исследователя, в том числе занимающегося историей Первой мировой войны. **Результаты.** Будучи участницей Антанты, Россия с самого начала принимала самое активное участие в 1-ой мировой войне, а русская императорская армия сыграла важную роль в срыве германского плана Шлиффена, что повлияло на ход и исход войны в пользу стран Согласия. Исследование степени готовности русской армии к Великой войне позволяет утверждать, что военно-политическое руководство Российской империи готовилось к будущей войне. Поражение в русско-японской войне позволило выявить ряд существенных недостатков в организации русской армии, её обучении, вооружении и снабжении, следствием чего стали попытки улучшения качества вооружённых сил Российской империи, которые позволили повысить боеспособность русской армии в целом. Вместе с этим так и не были преодолены дефекты структуры войск Российской империи, минусы в их обучении, вооружении и обеспечении. Российское правительство выделяло для государственной обороны недостаточные средства. Война не позволила завершить реформирование армии, но, несмотря на это, Россия успела сделать много для увеличения боеспособности своих вооружённых сил. Слабым местом России оказалась военная промышленность, не соблюдавшая сроков, особенно это касалось снабжения армии боеприпасами, что привело в дальнейшем к трагическим последствиям. Ещё одной проблемой была подготовка резервов. Патриотический подъём не был продолжительным и сошёл на нет по мере того, как война затягивалась. Элита страны и народ морально не были готовы к длительным военным действиям. Хотя Россия вступила в войну с удовлетворительно

обученной армией, офицерский корпус не отличался тщательно отобранным квалифицированным составом. **Заключение.** Военно-политическое руководство Российской империи готовилось к 1-ой мировой войне, расходуя значительные средства на вооружённые силы страны. Удалось повысить уровень боеспособности русской императорской армии по сравнению с русско-японской войной. Однако социально-экономическая и техническая отсталость России от наиболее развитых стран мира, как союзников, так и противников в будущей войне, ограничивали возможности модернизации армии и флота. Преодолеть это отставание в рамках существующей политической системы и при ограниченном количестве времени было невозможно.

Ключевые слова: Первая мировая война, русская императорская армия, офицерский корпус, артиллерийское вооружение, мобилизация, русско-японская война, мемуаристика

Для цитирования: Левченко А. В. (2026). Оценка степени готовности русской императорской армии к Первой мировой войне в мемуарах её участников: сравнительный анализ // История: факты и символы. № 1 (46). С. 116-128. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-116-128>

Статья поступила: 10.10.2025

Статья принята в печать: 12.01.2026

Статья опубликована: 17.03.2026

© Левченко А., 2026

ASSESSMENT OF THE READINESS LEVEL OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY FOR WORLD WAR I IN THE MEMOIRS OF ITS PARTICIPANTS: COMPARATIVE ANALYSIS

A.V. Levchenko

*Perm National Research Polytechnic University,
29 Komsomolsky Prospekt, 614990, Perm, Russia*

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of the degree of readiness of the Russian Imperial Army to participate in the First World War, identifying the reasons that caused Russia to lag behind other great powers in preparing for the world war, **Materials and methods.** The combat effectiveness of the Russian Imperial Army can be judged on the basis of a number of sources, among which the memoirs of war participants should be highlighted. It must be recognized that a memoirist is not always able to accurately convey his feelings from the events he experienced; over time, a new attitude may appear to what he saw and participated in. The description of events becomes their later interpretation. At the same time, the facts reported by the author of the memoirs complement information from other sources, allowing us to reveal what is not reflected in any official documents. This makes the participants' recollections valuable sources for researchers, including those studying the history of World War I. **Results.** As a member of the Entente, Russia took an active part in World War I from the very beginning, and the Russian Imperial Army played an important role in disrupting the German Schlieffen Plan, which influenced the course and outcome of the war in favor of the Entente countries. A study of the degree of readiness of the Russian army for the Great War allows us to assert that the military-political leadership of the Russian Empire was preparing for a future war. The defeat in the Russo-Japanese War revealed a number of significant shortcomings in the organization of the Russian army, its training, armament and supply, which resulted in attempts to improve the quality of the armed forces of the Russian Empire, which made it possible to increase the combat effectiveness of the Russian army as a whole. At the same time, the defects in the structure of the troops of the Russian Empire, the disadvantages in their training, armament and supply were never overcome. The Russian

government allocated insufficient funds for national defense. The war did not allow the army to be reformed, but despite this, Russia managed to do a lot to increase the combat capability of its armed forces. Russia's weak point was its military industry, which failed to meet deadlines, especially when it came to supplying the army with ammunition, which later led to tragic consequences. Another problem was the preparation of reserves. The patriotic upsurge did not last long and faded away as the war dragged on. The country's elite and the people were not morally prepared for military action. Although Russia entered the war with a satisfactorily trained army, the officer corps was not distinguished by its carefully selected, qualified personnel. **Conclusion.** The military and political leadership of the Russian Empire prepared for World War I, spending significant funds on the country's armed forces. It was possible to increase the level of combat capability of the Russian Imperial Army compared to the Russo-Japanese War. However, Russia's socio-economic and technical backwardness compared to the most developed countries of the world, both allies and opponents in the future war, limited the possibilities of modernizing the army and navy. It was impossible to overcome this backwardness within the framework of the existing political system and with a limited amount of time.

Keywords: World War I, Russian Imperial Army, officer corps, artillery armament, mobilization, Russo-Japanese War, memoir studies

For citation: Levchenko A. V. (2026). Assessment of the readiness level of the Russian imperial army for World War I in the memoirs of its participants: comparative analysis In *History: facts and symbols*, 1 (46), 116-128. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-116-128

Received: 10.12.2025

Revised: 12.01.2026

Published: 17.03.2026

Levchenko A., 2026

1. Введение

Первая мировая война 1914–1918 гг. была невиданным во всей предшествовавшей истории и беспрецедентным по масштабам вооружённым столкновением десятков государств. Решающую роль в этой войне сыграли армии великих держав, чьи усилия, победы и поражения во многом предопределили исход войны. В связи с этим несомненный интерес представляет боеспособность противоборствующих армий, особенно русской императорской армии, которая своими усилиями и жертвами внесла большой вклад в победу стран Согласия.

2. Материалы и методы

Первая мировая война, на наш взгляд, изучена менее фундаментально, чем Отечественная война 1812 г. или Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Пока недостаточно монографических исследований, посвящённых как участию России в Первой мировой войне, так и отдельным аспектам этого участия.

Среди современных работ следует отметить коллективный труд под ред. В. В. Герасимова «Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917)» [4], монографию «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации» под ред. Л. С. Белоусова и А. С. Манькина [14], О. Р. Айрапетова «Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917)» [1], А. В. Ганина «Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922» [3], Л. В. Ланника «Русский фронт, 1914–1917 годы» [9], В. Б. Миронова «Первая мировая война. Борьба миров» [12].

Кроме того, хотелось бы отметить публикации статей в «Военно-историческом журнале» (ВИЖ), имеющие непосредственное отношение к различным аспектам готовности русской армии к 1-ой мировой войне. Г.Г. Попова «Почему Россия не могла не проиграть Первую мировую войну (социально-экономические аспекты)», напечатанной в журнале «Вопросы регулирования экономики» в № 3 2010 г., [16], Б.Л. Хавкина «Русский фронт первой мировой войны

(1914-1918гг.)» в журнале «Новая и новейшая история» №1 2014 г. [21], Е.М. Чедуровой, Н.А. Собоженкова «Россия в первой мировой войне: перспективы, военно-экономический взгляд» в «Международном научно-исследовательском журнале» № 11 2016 г. [20].

Особую группу источников составляют воспоминания участников Первой мировой войны. Необходимо признать, что не всегда мемуарист способен точно передать свои ощущения от пережитых им событий, со временем может появиться новое отношение к тому, что он видел и в чём участвовал. Описание событий становится их позднейшей интерпретацией. Вместе с тем, сообщаемые автором мемуаров факты дополняют сведения из других источников, позволяют раскрыть то, что не отражается никакими официальными документами. Это делает воспоминания участников ценными источниками для исследователя, в том числе занимающегося историей Первой мировой войны.

При изучении мемуаров участников Первой мировой войны мы отдали предпочтение воспоминаниям генералов, которые на момент начала военных действий занимали командные должности не ниже командира бригады, а также офицеров Генерального штаба, т.е. тех, кто, начав свою службу в рядах русской императорской армии задолго до начала Первой мировой войны, продолжил службу в военное время, следовательно, хорошо знал достоинства и недостатки русской императорской армии. Так А. И. Деникин, К. Г. Маннергейм начинали Первую мировую войну в должности командира бригады (4-й стрелковой и Отдельной гвардейской кавалерийской соответственно), А. М. Зайончковский командовал 37-й пехотной дивизией, В. А. Слюсаренко в начале войны возглавлял 43-ю пехотную дивизию, В. И. Гурко возглавлял 1-ю кавалерийскую дивизию, Э. В. Эрк в начале войны командовал 7-м армейским корпусом, В. Е. Флуг в конце августа 1914 года получил под командование 10-ю армию, а А. А. Брусиллов в самом начале войны был назначен командармом 8-й армии. А. С. Лукомский возглавлял канцелярию военного министерства, А. А. Свечин служил офицером для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего, составлял сводки о ходе военных действий, окончил в 1903 году Николаевскую академию Генерального штаба по 1 разряду, П. П. Петров в 1914 году служил в штабе 29-й пехотной дивизии, в 1913 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1 разряду, генерал-майор британской армии Альфред Нокс находился при Ставке Верховного главнокомандования русской императорской армии.

3. Результаты

Россия и её армия принимали участие в Первой мировой войне с самого начала, сражаясь с войсками всех стран-участниц Четверного союза, а именно, Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Как утверждал боевой генерал А. И. Деникин, русская армия на середину января 1917 года «удерживала на своём фронте 187 вражеских дивизий, т.е., 49% всех сил противника, действовавших на европейских и азиатских фронтах» [6, с. 32].

Мы считаем, что, несмотря на заключение сепаратного Брестского мира, вклад российской армии в победу стран Антанты невозможно переоценить. Русская армия, ценой огромных жертв, способствовала срыву плана Шлиффена, целью которого был последовательный разгром армий главных противников Германии. Реализация данного плана позволяла Германии выиграть войну у противников, заведомо превосходивших её по людским и материальным ресурсам. Русская армия своими действиями способствовала реализации перевеса стран Согласия в различных ресурсах и достижения победы в Первой мировой войне. По мнению Альфреда Нокса, «Русская армия действовала с редкой самоотверженностью и сделала столько, сколько от неё можно было ожидать, и даже более того» [13].

С какой армией вступала Россия в Первую мировую войну? Поражение в русско-японской войне позволило обнаружить существенные недостатки в организации русской армии, её обучении, вооружении и снабжении. Что сделало военно-политическое руководство Российской империи для устранения этих недостатков, и насколько это было возможно?

Как считал А. И. Деникин, в течение десяти лет, предшествовавших началу Первой мировой войны «русская армия, не достигнув, конечно, далеко идеалов, все же сделала огромные

успехи. Можно сказать с уверенностью, что, не будь тяжкого маньчжурского урока, Россия была бы раздавлена в первые же месяцы отечественной войны» [6, с. 21].

По мнению генерал-майора П. П. Петрова, Россия совсем не была готова к большой войне [15]. С подобным выводом мы можем согласиться лишь отчасти, полагая, что в начале Первой мировой войны никто из стран-участниц не предполагал ни масштабы, ни продолжительность войны. Степень подготовки стран, участвовавших в войне, была различной.

Считаем важным акцентировать внимание на технической оснащённости русской армии, поскольку в Первой мировой войне техника, включая такие новые для того времени её виды, как танки и самолёты, использовалась в невиданных до той поры масштабах.

Интересны воспоминания А. А. Брусилова об организации русской армии, о её техническом оснащении, убеждённого, что в XX столетии не достаточно только храбрости войск для успеха на войне при отсутствии достаточного количества современной военной техники. Пехота была вооружена винтовкой Мосина образца 1891 года, но пулемётов было всего 8 на полк [2, с. 52]. Следовательно, в дивизии было всего 32 пулемёта. Не было бомбомётов, миномётов и ручных гранат, но их в начале войны не было ни в одной армии мира. Что касается артиллерии, то, по мнению Брусилова, в её организации были крупные недостатки, и российская армия в этом плане значительно отставала от своих противников [2, с. 53].

Батареей, состоявшей из 8 орудий, было сложно эффективно управлять. В российской армии большую часть артиллерии составляли лёгкие орудия, на армейский корпус приходился один мортирный дивизион из 12 гаубиц, а на 8-ю армию, которой командовал генерал А. А. Брусилов, был только один дивизион тяжёлой артиллерии. Если в русском корпусе было 96 лёгких орудий и 12 гаубиц, т.е. всего 108 орудий, то для сравнения, у немцев в корпусе было 166 орудий, из них 36 гаубиц и 12 тяжёлых орудий. [2, с. 53].

Следовательно, российская артиллерия была приспособлена к оборонительному бою, но не к наступательному. Российская артиллерия, по мнению Брусилова, стреляла хорошо батареями и дивизионами, но стрельбы высших соединений артиллерии орудиями различных калибров не проводились. И уже в ходе военных действий русским артиллеристам пришлось на тяжёлом и кровавом опыте обучаться такой сложной стрельбе, так как они не были этому обучены в мирное время. Генерал Брусилов приходит к выводу, что военное министерство, включая и Главное управление Генерального штаба и генерал-инспектора артиллерии, не понимало, что такое современная война [2, с. 54].

Следует признать, что большинство высших артиллерийских начальников не умели управлять артиллерийскими массами в бою и не умели оказывать эффективную поддержку пехоте [2, с. 54].

На каждый армейский корпус было по одному сапёрному батальону, состоявшему из одной телеграфной роты и трёх рот сапёров. Очевидно, что такое количество сапёров, исходя из реалий военных действий, было совершенно недостаточно. Пехота в российской армии самоокапыванию была обучена крайне плохо, развитие сапёрного дела в армии находилось на низком уровне [2, с. 55].

Организационная структура российской кавалерии была, по утверждению А. А. Брусилова, следующей: кавалерийские и казачьи дивизии состояли из четырёх полков, включавших 6 эскадронов или 6 сотен, с пулемётной командой из восьми пулемётов и дивизиона конной артиллерии, состоявшего из 2 батарей, по шесть орудий в каждой. Кавалерийские и казачьи дивизии были достаточно сильными, но отсутствие стрелковой части, связанной с дивизией, снижало их боевую эффективность. В дальнейшем, во второй половине войны, были сформированы в каждой конной дивизии пешие дивизионы, по одному на конную дивизию, включавшие 4 эскадрона или 4 сотни [2, с. 55].

Воздушные силы в начале войны в российской армии, по мнению А. А. Брусилова, находились ниже всякой критики. Самолётов было мало, большинство их были довольно устаревшей конструкции. Будучи необходимы для разведки, для корректирования артиллерийской

стрельбы самолёты не использовались для этих целей. При этом самолёты были зарубежного производства и в течение всей войны российские войска сильно страдали от недостатка в них. Дирижаблей в начале войны было всего несколько штук, приобретённых за границей. Это были устаревшие и дорогостоящие воздушные суда, которые не принесли значительной пользы. Вывод А. А. Брусилова крайне пессимистичен: «нужно признаться, что по сравнению с нашими врагами мы технически были значительно отсталыми, и, конечно, недостаток технических средств мог восполняться только лишним пролитием крови, что, как будет видно, имело свои весьма дурные последствия» [2, с. 55].

Говоря о готовности русской армии к войне, В. И. Гурко полагал, «что раны, нанесённые нашей армии на Дальнем Востоке в ходе неудачной войны с Японией, не были ещё до конца залечены» [5, с. 2]. Российское правительство выделяло для государственной обороны недостаточные средства, вследствие чего, поэтому важному показателю Россия значительно отставала от западных стран. Кроме того, реализация реформы, очевидно, идёт речь об аграрной реформе П. А. Столыпина, «направленной на перевод крестьянства от общинной формы собственности на землю к единоличной, фермерской», заставила российских крестьян, являющихся собственниками земли, определить новые границы своего земельного надела. В значительной части случаев это вызывало необходимость обмена земельных участков, «что для большей части крестьянства означало, в конечном счёте, перенос на новое место своих подворий» [5, с. 2]. Последствия аграрной реформы П. А. Столыпина затрагивали интересы огромного по численности сельского населения России, которое составляло большую часть подлежащих призыву на военную службу. Российская армия, участвовавшая в Первой мировой войне, особенно такой род войск, как пехота, была армией преимущественно крестьянской.

По мнению К. Г. Маннергейма, русско-японская война обнаружила серьёзные недостатки в обучении и организации русской армии. Лишь треть армии находилась в состоянии боевой готовности, крайне недостаточно было военного снаряжения. Поэтому Россия в 1905–1910 гг. и позже была очень слаба и не могла противостоять армиям своих потенциальных противников на европейском театре военных действий. При проведении всеобщей мобилизации нечем было вооружить и экипировать призванные из запаса контингенты. Реформирование вооружённых сил требовало много времени и огромного количества денег [11, с. 49]. Русско-японская война стоила российскому государству два с половиной миллиарда рублей, что стало тяжёлым бременем для бюджета страны. Затраты на военные нужды в России были ниже аналогичных расходов в Германии и Австро-Венгрии. На реализацию российской «Большой военной программы» нужно было потратить пять лет, с 1913 по 1917 год, т.е. в темпах подготовки к будущей войне Россия отставала от своего главного противника – Германии. Первоначальные расходы составляли полмиллиарда рублей, в дальнейшем предполагался ежегодный рост на 140 миллионов. Численность вооружённых сил должна была возрасти в три раза, что означало увеличение армии на двенадцать тысяч офицеров и пять миллионов солдат [11, с. 49].

Однако людской ресурс Российской империи только казался неисчерпаемым, особенно если учесть высокие потери на фронте. Главная причина нехватки солдат, по мнению Г. Г. Попова, заключается в том, что в России «было много не годных к службе молодых мужчин, так называемых «белобилетников». Их насчитывалось перед войной около 6 млн человек» [19, с. 98].

Средняя продолжительность жизни мужского населения в России составляла в конце XIX – начале XX вв. 31–32 года, в то время как во Франции продолжительность жизни мужчин составляла в 1900 г. примерно 50 лет [19, с. 98]. «Большая военная программа» по усилению армии и военно-морские программы должны были укрепить западные рубежи империи, но их осуществление требовало времени, политической и финансовой стабильности [13, с. 91].

Война не позволила завершить реформирование армии, но, несмотря на это, Россия успела сделать много для увеличения боеспособности своих вооружённых сил. Для столь масштабной и серьёзной работы, считает Маннергейм, был нужен твёрдый и решительный чело-

век. Соответствующие обязанности были возложены на генерала от кавалерии Сухомлинова, который в 1909 году стал военным министром. В дальнейшем он подвергался резкой критике за деятельность на этом посту. К. Г. Маннергейм не согласен с такой оценкой деятельности бывшего военного министра и считает, что «армия, находившаяся до того в полном развале, за достаточно короткое время стала вполне боеспособной, хотя в техническом отношении она и отставала от Германии. Мобилизация проходила в соответствии с разработанными планами» [11, с. 50].

По мнению Д. Кигана, «заметным явлением стала и разработанная в 1913 г. Сухомлиновым «Большая программа по усилению армии», которая предусматривала к 1917 г. значительное увеличение сухопутных сил мирного времени и наращивание артиллерийских вооружений» [8].

Слабым местом России оказалась военная промышленность, не соблюдавшая сроков, особенно это касалось снабжения армии боеприпасами, что привело в дальнейшем к трагическим последствиям. К. Г. Маннергейму вторит А. Нокс, который российскую промышленность считал «отсталой» [12]. Как считают Н. А. Собожников и Е. М. Чедурова, на 1909–1913 гг. приходилось время хозяйственного подъёма российской экономики, начало видимых изменений структурного соотношения групп «А» и «Б» в промышленности. Наряду с успехами индустриализации российской экономики, занимавшей 5 место в мире, темпы промышленного роста в России были недостаточными, по сравнению с наиболее развитыми странами. По мнению исследователей к 1914 г. Россия располагала 7088 орудиями различных типов, в то время как австро-германский блок на восточном направлении 13476 орудий, соотношение тяжёлой артиллерии 240 орудий против 1396. Производство станковых пулемётов в России уступало почти в 14 раз Англии, в 5 – Франции, в 13 – Германии [19, с. 111–112].

По мнению Б. Л. Хавкина, в отношении артиллерии, особенно тяжёлой, русская армия оказалась подготовленной хуже, чем германская, по насыщенности автомобилями хуже, чем французская; русский флот по боевой мощи уступал германскому. Имела место нехватка снарядов, патронов, стрелкового оружия, обмундирования и снаряжения [20, с. 5].

Обучение военному делу за последние годы сильно продвинулось вперёд. Наконец-то в армии начали учитывать уроки русско-японской войны. По мнению боевого генерала Э. В. Экка, «главнейшие из этих требований сводились к следующим: 1) взаимодействие пехоты и артиллерии; 2) хорошая физическая подготовка войск, позволяющая успешно действовать на пересечённой местности; 3) самостоятельность командиров всех рангов; 4) не злоупотреблять работой охотничьих команд» [21, с. 340–341]. Войска получали тактические установки в виде отдельных приказов. Новый устав был одобрен в день объявления мобилизации.

Маннергейм считал, что ни французская, ни немецкая армии не учли уроков военных действий в Маньчжурии [11, с. 50]. Наиболее слабым местом были резервы, которые не прошли своевременного обучения. Массы мобилизованных, подлежащих призыву, и весь русский народ в целом морально не были готовы к военным действиям [11, с. 50].

В связи с этим считаем уместным привести, несомненно, заслуживающее внимание замечание А. А. Брусилова: «Если бы в войсках какой-либо начальник вздумал объяснить своим подчинённым, что наш главный враг – немец, что он собирается напасть на нас и что мы должны всеми силами готовиться отразить его, то этот господин был бы немедленно выгнан со службы, если только не предан суду» [2, с. 65]. По мнению Л. В. Ланника, в русской армии сознанием роковых последствий возможного поражения не были проникнуты ни низы, ни верхи. Низы плохо представляли себе расстановку сил и причины войны, верхи были убеждены в невозможности поражения или по меньшей мере тяжёлых последствий его для статуса России как великой державы [9, с. 67].

Патриотический подъём начала войны, по мнению К. Г. Маннергейма, был не более чем «показным выступлением» [11, с. 50]. Нам представляется данное утверждение бывшего генерал-лейтенанта русской императорской армии не соответствующим действительности. Патрио-

тический подъём в начале войны действительно был, но это был кратковременный порыв, а не мужественная готовность переносить длительные тяготы и лишения. Российский военачальник В. Е. Флуг объясняет это особенностями русского национального характера, опираясь на данные литературы (в том числе на мнения А. С. Пушкина, В. О. Ключевского, М. И. Драгомирова и др.), а также собственный богатый опыт. Делая акцент на негативных чертах русского менталитета, Флуг, помимо всего прочего, выделяет неспособность к продолжительному напряжению воли, физическую и умственную лень [3].

По мнению А. И. Деникина, российская военная идеология заключалась в формуле: «За веру, царя и отечество», но в солдатских массах она не была глубоко укоренена. Это же можно сказать о распространении религиозной веры в армии [6, с. 8]. А. И. Деникин полагал, что «в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов» [6, с. 10]. По мнению Деникина, русский народ страдал недостатком патриотизма. Когда началась война, её приняли с большим подъёмом, местами с энтузиазмом, однако, «народ подымался на войну покорно, но без всякого воодушевления и без ясного сознания необходимости великой жертвы. Его психология не подымалась до восприятия отвлечённых национальных догматов» [6, с. 10].

Следует заметить, что никто из стран-участниц Первой мировой войны не был готов к длительной позиционной войне, которая оказала существенное влияние на тактику ведения боевых действий, в частности, резко ограничив возможности обходов и охватов флангов и вынуждая атаковать в лоб сильно укреплённые позиции. Предыдущий опыт ведения военных действий – это опыт XIX века, когда европейские государства находились на принципиально иной стадии развития, для которой были характерны войны иной продолжительности [14, с. 142–143].

Отдельного внимания заслуживает корпус офицеров русской императорской армии. Как считал генерал В. Е. Флуг: «русский офицерский корпус в массе не обладал, по крайней мере, в главном роде войск качествами, присущими воину по призванию: авторитетом, инициативой, предприимчивостью, неукротимой волей к победе. Его храбрость имела вообще определённо пассивный характер. Поддерживать строгую дисциплину в условиях военного времени офицеры в массе, по недостатку авторитета, не умели». Вследствие существовавшей в России системы подготовки армейские офицеры были «добросовестными, дисциплинированными, исполнительными, удовлетворительно знающими свои непосредственные обязанности «служаками», но в то же время боящимися ответственности, пассивными, лишёнными инициативы, самостоятельности и самоуверенности начальниками, часто с пониженным сознанием своих офицерского и личного достоинств и вообще близкими к тому состоянию, которое называется «забитостью» [3].

Самостоятельность, инициатива в работе, твёрдость в убеждениях и личная инициатива не поощрялись. По мнению А. В. Ганина, «Российская империя не имела подготовленного запаса командных кадров на случай большой войны» [4, с. 31]. Далее исследователь приводит оценки уровня подготовки командиров различных уровней: «Современники и исследователи признают высокий уровень подготовки командиров рот русской пехоты накануне Первой мировой войны, достаточно низкий уровень подготовки командиров батальонов (исключая гвардию), хорошую тактическую выучку командиров полков, удовлетворительный уровень начальников пехотных дивизий и командиров корпусов и неудовлетворительную подготовленность командующих армиями и фронтами» [4, с. 31].

По воспоминаниям генерал-лейтенанта Генерального штаба А. С. Лукомского, война застала русское военное ведомство «ещё не закончившим заготовку всего того, что было необходимо для армии», но оно не бездействовало, отдав распоряжение «развить максимальную производительность всех казённых заводов и мастерских и срочно дать заказы частной промышленности на заготовку всего недостающего» [10, с. 272]. Однако до войны ничего не было сде-

лано для перевода, в случае мобилизации, частной промышленности на производство продукции для нужд армии. Когда вскоре после начала войны стал ощущаться недостаток снарядов, Главное артиллерийское управление пыталось убедить, что это является следствием перерасхода в войсках [10, с. 273].

Такая позиция, по нашему мнению, объясняется отсутствием понимания военных чиновников реальных масштабов военных действий и медлительностью в принятии решений. С октября 1914 г. обнаружился дефицит винтовок, патронов, телеграфного и телефонного имущества. Созданных перед войной запасов оказалось недостаточно [10, с. 274]. Когда началась война, вспоминал А. С. Лукомский, то только очень немногие из признанных военных специалистов считали, что она может продлиться больше года [10, с. 274].

По мнению генерала В. А. Слюсаренко, порядок и дисциплина в войсках, как и воинский дух были хорошими. Благодаря требованиям вышестоящего командования и проверкам, стрелковая подготовка в пехоте была на высоком уровне [18, с. 20]. В артиллерии под руководством великого князя Сергея Михайловича был учтён опыт русско-японской войны; в частности, постоянно практиковалась стрельба с закрытых позиций и управление огнём с наблюдательных пунктов. В 1906 году было создано Наставление для боя полевой артиллерии, опиравшееся на принципы французского наставления с учётом опыта русско-японской войны. Российская полевая артиллерия была хорошо подготовлена к войне, что признавали, как союзники России, так и немцы [18, с. 20–21].

Российская кавалерия была подчинена командованию общевойсковых армий. Несомненную пользу принесли тактические занятия, полевые поездки и манёвры войск, проводившиеся преимущественно в районах предполагаемых военных действий, особенно когда лиц высшего командования, не проявлявших надлежащей инициативы и знаний, освобождали от занимаемых должностей. В частности, были отчислены после больших манёвров на реке Дитве два командира корпусов [18, с. 21]. Авиация, как считал В. А. Слюсаренко, находилась на начальном этапе своего развития и даже высшее командование не понимало, как можно её использовать в предстоящей войне [18, с. 22].

По мнению А. А. Свечина, низкая оценка боеспособности русской армии к началу мировой войны не соответствовала действительности. Благодаря значительному увеличению финансирования военного министерства удалось восстановить и увеличить все неприкосновенные запасы, потраченные во время русско-японской войны. Как полагал Свечин, благодаря опыту, полученному в русско-японскую войну, к началу Первой мировой войны русская армия улучшила снабжение и организацию, увеличив свою боеспособность за последние 10 лет, как минимум на 300 %. Значительный прогресс был достигнут как в тактической подготовке войск, так и в улучшении подготовки среднего и низшего командного состава.

Организация артиллерии была неудовлетворительной, тяжёлой артиллерии было мало, хотя в техническом отношении российская артиллерия была значительно лучше, чем во время русско-японской войны, и находилась на одном уровне с артиллерией лучших армий мира [17, с. 6–7]. Русская армия после окончания русско-японской войны пыталась повысить качества при сохранении прежней численности – около 1225 тыс. человек. К осени 1913 г. после разработки «Большой военной программы» увеличили призыв новобранцев на 30 %, но было много нестроевых. Российская армия уступала германской в подготовке высшего командного состава и обучения войск, а также по силе артиллерии.

Согласно данным А. А. Свечина, в русском армейском корпусе было 96 полевых пушек и 8 гаубиц, в то время как в Германии 108 полевых пушек, 36 лёгких и 10 тяжёлых гаубиц. Благодаря этому, германской пехоте было легче решать боевые, особенно наступательные, задачи и приводило к меньшим потерям [17, с. 6–7].

Как утверждает Альфред Нокс, Россия начала войну, имея в составе своей армии 114 пехотных и примерно 36 кавалерийских дивизий [13]. Нокс, ссылаясь на репортёра, написавшего в ноябре 1909 г. статью в газете «Danzer's Armees Zeitung», сравнивает русскую армию с силь-

ным, но неповоротливым борцом, который обречён на поражение в схватке с более быстрым и умным соперником. Это было связано с нехваткой современного вооружения, а также особенностями национального характера русского народа в куда большей степени, чем некомпетентностью командования и недостаточной подготовкой личного состава [13].

В секретной записке германского Большого Генерального штаба было отмечено, что после окончания русско-японской войны русская императорская армия подверглась модернизации. Это проявлялось в улучшении материального обеспечения, обучения, увеличения офицерского и унтер-офицерского корпуса, тяжёлой артиллерии. Благодаря экономическому подъёму расходы на оборону России значительно возросли, по мнению немцев, они значительно превосходили расходы других стран. Были изменены все уставы, с учётом французских и в ещё большей степени немецких взглядов, с адаптацией к российским условиям.

Тем не менее все успехи в повышении боеспособности русской армии перед Первой мировой войной ограничивались отрицательными качествами, присущими, как считал германский Генштаб, русскому народу: «нежелание заниматься методической работой, боязнь ответственности, отсутствие инициативы и слабое чувство долга». Русский народ тем не менее обладает хорошими и даже завидными военными качествами. Недостатком была и медлительность передвижения русских войск [12, с. 97–98].

По мнению российского и советского военачальника А. М. Зайончковского, «русские дивизии и корпуса медленно передвигались, тогда как германские корпуса проходили по 30 км много дней подряд, русские с трудом только по 20 км» [7, с. 14]. Русским командирам были присущи постоянная медлительность, ожидание приказов, шаблонные действия. Вывод, к которому пришёл Большой Генеральный штаб будущего главного противника России: «при столкновении с русскими германское командование сможет осмелиться на манёвры, которых оно не позволило бы себе против другого равного противника» [12, с. 97–98].

За десять лет до начала Первой мировой войны только Россия из числа великих держав обладала опытом ведения современной войны (речь идёт о русско-японской войне). Это оказало влияние, по мнению А. М. Зайончковского, на развитие русских вооружённых сил. По его данным численность русской армии после мобилизации достигла в 1914 г. 1816 батальонов, 1110 эскадронов и 7088 орудий, 85% которых могло быть направлено на Западный театр военных действий. Улучшено было качество военнообязанных, находящихся в запасе [7, с. 13]. В русской армии, как считал А. М. Зайончковский, перед Первой мировой войной больше внимания начали уделять значению огня, пулемётов, взаимосвязи артиллерии с пехотой, индивидуальное обучение отдельного бойца, на подготовку младшего командного и офицерского состава и на роль решительных действий [7, с. 13].

Вместе с этим в России были сложности для создания новых формирований, недостаточно артиллерии, особенно тяжёлой, плохо подготовлен высший командный состав, не подготовленная для ведения большой войны страна и её военное управление и совершенно не подготовленная к переходу на работу в военное время промышленность [7, с. 14–15]. Вывод боевого генерала краток и неутешителен: «Русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами» [7, с. 15].

4. Заключение

Проанализировав воспоминания генералов русской императорской армии, принимавших личное участие в Первой мировой войне, а также британского военного атташе в России А. Нокса, можно сделать следующие выводы. Политическое руководство России, несомненно, готовилось к войне и готовило вооружённые силы страны. Представляется, что ни одна из стран-участниц Первой мировой войны, включая Россию, в лице правительств этих стран, до начала военных действий не представляла ни характер, ни продолжительность военных действий, ни масштаб, ни то напряжение сил, которое потребуется, чтобы одержать в ней победу. Российское правительство извлекло уроки из поражения в русско-японской войне и пыталось увеличить боеспособность русской армии, но эти попытки натолкнулись на объективные пре-

пятствия. Эти препятствия вытекали из особенностей политической системы России и специфической русской модели управления.

По мнению российского исследователя А. П. Прохорова: «Что было главным нервом российской системы управления? Какого рода отношения? Отношения по мобилизации и распределению ресурсов. Благодаря тому, что в русскую систему управления изначально вмонтирован механизм, позволяющий мобилизовывать, перебрасывать и перераспределять ресурсы, то главную роль в России играют те группы населения, которые опосредуют мобилизацию и перераспределение» [16, с. 34]. Для эффективной работы данного механизма необходимо, чтобы социальные группы и элиты страны, осуществляющие мобилизацию и перераспределение, хорошо понимали задачи, которые предстоит решать, были дисциплинированы и ответственны. Высший слой российского общества, начиная с самого императора, как нам представляется, таковым не был.

Верхи императорской России, как утверждает О. Р. Айрапетов, явно оказались не на высоте задач, которые ставило перед государством время. Не стала исключением из этого правила и военная элита [1, с. 13].

Индустриализация, руководимая С. Ю. Витте, и аграрная реформа П. А. Столыпина, и создание законодательного органа — Государственной Думы не помогли ликвидировать отставание России от передовых западных стран ни в развитии промышленности, ни в области техники и технологий, ни в социальных и политических институтах. Учитывая, что в Первой мировой войне в невиданных ранее масштабах использовалась военная техника, можно смело считать эту войну войной машин. Техническое отставание русской армии признавалось российскими военачальниками. Для того, чтобы преодолеть это отставание были необходимы кардинальное изменение общественно-политического строя и время. Ни того, ни другого у России перед Первой мировой войной не было. Военно-политическое руководство Российской империи готовилось к Первой мировой войне, расходуя значительные, хотя и недостаточные средства на вооружённые силы страны. Удалось повысить уровень боеспособности русской императорской армии по сравнению с русско-японской войной. Однако социально-экономическая и техническая отсталость России от наиболее развитых стран мира, как союзников, так и противников в будущей войне, ограничивали возможности модернизации армии и флота. Преодолеть это отставание в рамках существующей политической системы и при ограниченном количестве времени было невозможно.

Список источников и литературы

1. Айрапетов, О. Р. (2014). *Участие Российской империи в Первой мировой войне*. М.: Кучково поле. 640 с.
2. Брусилов, А. А. (1941). *Воспоминания*. М.: Военное издательство Наркомата обороны СССР. 230 с.
3. Ганин, А. В. (2018). *Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922*. М.: Старая Басманная. 272 с.
4. Герасимов, В. В. (ред.) (2014). *Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917)*. Т. 1–2. М.: Мегapolis. 744 + 786 с.
5. Гурко, В. И. (2007). *Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914–1917*. М.: Центрполиграф. 399 с.
6. Деникин, А. И. (1921). *Очерки русской смуты*. Т. 1. Париж: 183 с.
7. Зайончковский, А. М. (2002). *Первая мировая война*. СПб.: Полигон. 878 с.
8. Киган, Д. (2004). *Первая мировая война*. М.: 416 с.
9. Ланник, Л. В. (2018). *Русский фронт, 1914–1917 годы*. СПб.: Наука. 287 с.
10. Лукомский, А. С. (2012). *Очерки из моей жизни. Воспоминания*. М.: Айрис-пресс. 752 с.

11. Маннергейм, К. Г. (2011). *Мемуары*. М.: Вагриус. 571 с.
12. Миронов, В. Б. (2014). *Первая мировая война. Борьба миров*. М.: ОЛМА Медиа Групп. 304 с.
13. Нокс, А. (2021). *Вместе с русской армией. Дневник военного атташе 1914–1917*. М.: Центрполиграф. 480 с.
14. *Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации* (2014). Под ред. Белоусова, Л. С. А. С. Маныкина, А. С. М.: Изд-во Моск. ун-та. 816 с.
15. Петров, П. П. (1965). *Роковые годы. 1914–1920*. Калифорния. 320 с.
16. Попов, Г. Г. (2010) *Почему Россия не могла не проиграть Первую мировую войну (социально-экономические аспекты) // Вопросы регулирования экономики №3. 92-105.*
17. Прохоров, А. П. (2002). *Русская модель управления*. М.: Журнал «Эксперт». 376 с.
18. Свечин, А. А. (2009). *Великая забытая война*. М.: Эксмо. 592 с.
19. Слюсаренко, В. А. (2016). *На Мировой войне, в Добровольческой армии и эмиграции. Воспоминания. 1914–1921*. М.: Кучково поле. 592 с.
20. Собожников, Н. А., Чедурова, Е. М. (2016). *Россия в первой мировой войне: перспективы, военно-экономический взгляд // Международный научно-исследовательский журнал. № 11–1 (53). С. 111–115.*
21. Хавкин, Б. Л. (2014). *Русский фронт первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Новая и новейшая история. № 1. С. 3–16.*
22. Экк, В. Э. (2014). *От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе. 1868–1918*. М.: Кучково поле. 576 с.

References

1. Ayrapetov, O. R. (2014). *Uchastie Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne. 1914* [Participation of the Russian Empire in the First World War. 1914]. Moscow, Kuchkovo pole, 640. (in Russian).
2. Brusilov, A. A. (1941). *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Voyennoye izdatel'stvo Narcomata obrony SSSR, 230. (in Russian).
3. Ganin, A. V. (2018). *Oficerskiy korpus v gody Grazhdanskoy voyny v Rossii 1917–1922* [The Officer Corps during the Civil War in Russia 1917–1922]. Moscow, Staraya Basmannaya, 272. (in Russian).
4. Gerasimov, V. V. (2014). *Vooruzhennyye sily Rossii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917)* [Armed Forces of Russia in the First World War (1914–1917)]. Moscow, Megapolis, 1–2, 744 + 786. (in Russian).
5. Gurko, V. I. (2007). *Voyna i revolyutsiya v Rossii. Memuary komanduyushchego Zapadnym frontom 1914–1917* [War and Revolution in Russia. Memoirs of the Commander of the Western Front 1914–1917]. Moscow, Tsentrpoligraf, 399. (in Russian).
6. Denikin, A. I. (1921). *Ocherki russkoy smuty* [Essays on Russian Turmoil]. Paris, 1, 183. (in Russian).
7. Zayonchkovskiy, A. M. (2002). *Pervaya mirovaya voyna* [The First World War]. St. Petersburg, Poligon, 878. (in Russian).
8. Keegan, J. (2004). *Pervaya mirovaya voyna* [The First World War]. Moscow, 416. (in Russian).
9. Lannik, L. V. (2018). *Russkiy front, 1914–1917 gody* [The Russian Front, 1914–1917]. St. Petersburg, Nauka, 287. (in Russian).
10. Lukomskiy, A. S. (2012). *Ocherki iz moyey zhizni. Vospominaniya* [Essays from My Life. Memoirs]. Moscow, Airis-press, 752. (in Russian).
11. Mannerheim, K. G. (2011). *Memuary* [Memoirs]. Moscow, Vagrius, 571. (in Russian).

12. Mironov, V. B. (2014). *Pervaya mirovaya voyna. Bor'ba mirov* [The First World War. Struggle of Worlds]. Moscow, OLMA Media Group, 304. (in Russian).
13. Knox, A. (2021). *Vmeste s russkoy armiey. Dnevnik voennogo attashe 1914–1917* [Together with the Russian Army. Diary of a Military Attaché 1914–1917]. Moscow, Tsentrpoligraf, 480. (in Russian).
14. *Pervaya mirovaya voyna i sud'by evropeyskoy tsivilizatsii* [The First World War and the Fate of European Civilization] (2014). Belousov L. S., Manykin A. S. (eds.). Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 816. (in Russian).
15. Petrov, P. P. (1965). *Rokovyye gody. 1914–1920* [Fateful Years. 1914–1920]. California, 320. (in Russian).
16. Popov, G.G. (2010) *Pochemu Rossiya ne mogla ne proigrat' Pervuyu mirovuyu voynu (sotsial'no- ekonomicheskiye aspekty)* [Why Russia Could Not Help Losing the First World War (Socio-Economic Aspects)] in *Voprosy regulirovaniya ekonomiki*, 3, 92-105. (in Russian).
17. Prokhorov, A. P. (2002). *Russkaya model' upravleniya* [The Russian Model of Management]. Moscow, Zhurnal «Ekspert», 376. (in Russian).
18. Svechin, A. A. (2009). *Velikaya zabytaya voyna* [The Great Forgotten War]. Moscow, Yauza; Eksmo, 592. (in Russian).
19. Slyusarenko, V. A. (2016). *Na Mirovoy voyne, v Dobrovol'cheskoy armii i emigratsii. Vospominaniya. 1914–1921* [In the World War, in the Volunteer Army and in Emigration. Memoirs. 1914–1921]. Moscow, Kuchkovo pole, 592. (in Russian).
20. Sobozhnikov, N. A., Chedurova, E. M. (2016). Rossiya v pervoy mirovoy voyne: perspektivy, voenno-ekonomicheskiy vzglyad [Russia in the First World War: Prospects, Military-Economic View] in *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2016, 11–1(53), 111–115. (in Russian).
21. Khavkin, B. L. (2014). Russkiy front pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.) [The Russian Front of the First World War (1914–1918)] in *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2014, 1, 3–16. (in Russian).
22. Eck, V. E. (2014). *Ot Russko-turetskoy do Mirovoy voyny. Vospominaniya o sluzhbe. 1868–1918* [From the Russo-Turkish to the World War. Memoirs of Service. 1868–1918]. Moscow, Kuchkovo pole, 576. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-43-1-15-42>